

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ БАШКИР

13—15 мая 1969 г. в г. Уфе проходила научная сессия по этногенезу башкир, организованная Отделением истории и Башкирским филиалом АН СССР, в которой приняли участие историки, археологи, этнографы, антропологи, фольклористы, языковеды, искусствоведы республик и областей Поволжья и Урала, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, Нукуса, Новосибирска и других городов.

Сессию открыл заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей. Отметив необычайную многослойность этнической истории башкир, обусловленную расположением края в зоне активного взаимодействия различных этнических массивов, он подчеркнул необходимость комплексных исследований по этногенезу башкир с участием археологов, филологов, антропологов, этнографов, фольклористов.

На пленарном заседании было заслушано девять докладов.

Н. А. Мажитов (Уфа) в своем докладе «Происхождение башкир (историко-археологический анализ)» дал интерпретацию археологических памятников Южного Урала, относящихся к I тысячелетию н. э. Древнейшие этапы этногенеза башкир, по его мнению, восходят к V—VII вв. н. э.; при изучении этого периода решающая роль должна принадлежать археологии.

Башкиры — тюркоязычный народ, и поэтому большое значение приобретает вопрос о начале тюркизации населения Южного Урала. Тюрки пришли на Южный Урал в I тысячелетии до н. э. С их появлением связаны открытые недавно каменные курганы «с усами». Докладчик считает, что племена VI—VII вв., оставившие памятники типа Ново-Турбаслинских курганов, следует рассматривать в качестве ближайших предков башкир. Возможно, в это время на Южном Урале уже звучал этноним «башкорт». Примерно на рубеже VII—VIII в. на Южный Урал пришли новые группы кочевого населения с ярко выраженной тюркской культурой. В VIII—X вв. башкиры уже населяли современную территорию Башкирии. Что же касается бахмутинской культуры, то Н. А. Мажитов полагает, что она была оставлена угорскими племенами, обитавшими во II—VII вв. в Северной Башкирии и принявшими активное участие в формировании мадьярского союза. Значительная часть угорских племен, очевидно, осталась в Приуралье и, смешавшись с тюркоязычными племенами, вошла в состав башкир.

В докладе Р. Г. Кузеева (Уфа) «Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX в.» была предпринята попытка наметить узловые моменты в формировании тех признаков, которые легли в основу современного этнического облика башкир, и воссоздать общую схему сложения народа. На раннем этапе своей истории башкиры жили в двух районах: западном Приуралье и в Приаралье. В середине I тысячелетия н. э. на территории от Волги до Урала и от Средней и Нижней Камы до Волго-Яицкого междуречья обитали в основном финно-угорские и иранские сармато-аланские племена. Часть юга этой территории — юго-западную Башкирию — занимали древние мадьяры. С началом массовой тюркской экспансии в Приуралье во второй половине I тысячелетия н. э. с расселением в начале VIII в. в Среднем Поволжье булгар и родственных им племен начинается булгаро-мадьярское взаимодействие и тюркизация части угорских (мадьярских) и сармато-аланских племен. В этой этнической среде в VIII—IX вв. сформировался ранний пласт башкирского народа. Центром его расселения была Бугульминско-Белебеевская возвышенность.

На другой территории, в Приаралье и низовьях Сырдарьи, во второй половине I тысячелетия н. э. формируются печенежское и печенежско-огузское племенные объединения, сыгравшие наряду с кипчаками определяющую роль в этногенезе башкир. Как свидетельствуют восточные источники, в VII—VIII вв. в эти объединения входили башкиры и бурзяне. Часть башкирских племен Приаральских степей находилась в этнических и исторических контактах с западносибирскими уграми (хантами) и была объединена под общим названием «истяк».

В IX в. приаральская группа древнебашкирских племен под давлением восточных кочевников, следуя традиционным маршрутам кочевков, переселилась в Южное При-

уралье и Зауралье. С этого периода, по мнению докладчика, этногенез башкир целиком протекал на территории современной Башкирии. Военственные кочевники вступили в активные этнические контакты с булгаро-магьярскими группами и другим населением. В результате складывается этническая общность, послужившая основой для дальнейшего развития башкирского народа, формируются те особенности башкирского языка, которые и сегодня выделяют его среди других кипчакских языков. Намечаются различия между основными локальными (восточными и западными) группами башкир.

XI—XIII вв.— период активного кипчакского проникновения. В это время под воздействием кипчаков происходит формирование основных признаков современного облика башкир.

Р. Г. Кузеев пытается также проанализировать, какое участие принимали монголы и ногайцы в формировании башкирского народа; как первые, так и вторые оставили заметный след в родо-племенном составе и этническом облике башкир.

Вопросы этногенеза башкир по данным антропологии рассмотрены в докладе М. С. Акимовой (Москва). На основе изучения современного физического типа башкир и палеоантропологического материала сделан вывод, что башкиры по антропологическому облику занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья, с одной стороны, и казахами и киргизами — с другой. Отчетливо выделяются две группы башкир: северо-западная и зауральская. Одна группа с более четко выраженными европеоидными признаками тяготеет к финским народам Волго-Камья и казанским татарам; другая, у которой преобладают монголоидные черты, обнаруживает близость к юго-восточным соседям — казахам и киргизам. Однако в целом башкиры ближе к своим западным и северо-западным соседям, нежели к юго-восточным. Это, по мнению докладчика, свидетельствует о том, что формирование башкир и соседних народов Волго-Камья происходило на близкой антропологической основе. Все же башкиры сильнее, чем другие народы Приуралья, испытали влияние пришлых групп.

Доклад Н. Х. Ишбулатова (Уфа) был посвящен влиянию этнической истории башкир на диалектные особенности башкирского языка. Изучение фонетической системы и лексики языка башкир свидетельствует, что в формировании этого народа приняли участие самые различные племена: древнетюркские, болгарские, финно-угорские (прежде всего угорские), кипчакские; тем не менее основа языка, несмотря на участие иных элементов, осталась тюркской.

Система диалектов и говоров тесно связана с особенностями этнического развития локальных групп, с историей родо-племенной системы башкир. Северо-восточная группа башкирских говоров в фонетической системе, грамматическом строе и лексике имеет много общих черт с языком западносибирских татар, а также с восточными тюркскими языками. Юго-восточные говоры тяготеют к ногайско-кипчакским языкам, причем связь эта больше всего обнаруживается в лексике. В северо-западной диалектной области когда-то, по-видимому, преобладал болгарский тип, но с XVI в. она подвергалась сильному влиянию татарского языка и в настоящее время отнесение ее к тому или иному диалекту вызывает споры.

О значении фольклорного материала при решении этногенетических проблем говорилось в докладе А. Н. Киреева (Уфа) «Этногенетические легенды и предания башкирского народа». В башкирском фольклоре сохранилось много интересных сведений об этнических связях древних родо-племенных групп, вошедших впоследствии в состав башкирского народа. Так, в эпоху «Бабсак и Кусак» рассказано о распаде родо-племенного союза, куда входили двенадцать племен, в том числе бурзян, кипчак, тамъян, тангаур и др.; по вариантам сказания «Алпамыша и Барсынхылу» можно судить о различии алтайского и болгарского компонентов в составе башкир, а сюжет эпической поэмы «Кузы-Курпес и Маянхылу» сообщает об этнических контактах башкирского и казахского народов. О родстве с финно-угорскими племенами свидетельствует сюжет легенды о происхождении башкирского племени гэйне, а предание о переселении усерганского племени из Приуралья на Южный Урал, по мнению докладчика, указывает на связь этого племени с кипчако-огузским этническим массивом.

А. Х. Халиков (Казань) выступил с докладом «Общие процессы в этногенезе башкир и татар», где этнокультурная, языковая и антропологическая близость этих двух народов обусловлена участием в их этногенезе сходных компонентов.

До III—IV вв. н. э. в районах Волго-Камья и Приуралья обитали преимущественно финно-угорские племена. В тюркизации населения этих областей выделяется два периода. Первый из них связан с продвижением гуннских племен (III—IV вв. н. э.), а второй совпадает со временем расширения тюркского каганата (середина VI — начало VII в.). Эта общетюркская масса и легла в основу и башкирского и татарского народов. Разрыв в этническом развитии этих народов начинается с проникновения в VIII в. на Среднюю Волгу болгарских племен из Придонья и Приазовья. В Булгарском государстве формируется общеполугарская народность, в которой докладчик усматривает основу общетатарской народности. Башкиры же сохраняли устойчивую связь с печенежско-половецким кочевническим миром.

Немалую роль в консолидации татарского и башкирского народов сыграл золотоордынский период. В это время и позднее в условиях распада Золотой Орды начинают складываться татаро-мишарская народность в Западном Поволжье, казанско-татарская — в пределах Казанского княжества, группа уфимских татар — в восточной

части бывшей Булгарии и в западной Башкирии. В период Казанского ханства этот процесс замедляется, а с присоединением края к Русскому государству создаются благоприятные условия для сближения татар Поволжья не только с населением Западной Башкирии, т. е. с уфимскими татарами, но и с собственно башкирскими племенами, кочевавшими за р. Белой и на Южном Урале.

В. Ф. Геннинг (Свердловск) сделал доклад «Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение». Археологические и этнонимические материалы свидетельствуют о том, что в I тысячелетии н. э. население Башкирии было сильно смешанным и состояло из племен различной этнической принадлежности. Это были, по мнению докладчика, многочисленные группы местного пермского и угорского (возможно, приаральского) населения, которые смешались с пришлыми племенами самодийского, древнетюркского и угорского происхождения, переселившимися из Западной Сибири и Казахстана. В IX в. на территории современной Башкирии появились собственно башкирские племена в составе печенежского союза, отступавшего на запад из Приаралья под натиском огузов и кипчаков. В результате дальнейшей массовой тюркизации местного населения складывается башкирская народность.

В докладе К. Ф. Смирнова (Москва) «Ранние кочевники Южного Урала» был поставлен вопрос о времени появления на Южном Урале савроматов, сарматов и ранних тюрков. Начало тюркизации населения степей Южного Урала К. Ф. Смирнов относит к II—IV вв. н. э. и связывает с передвижением гуннов на Запад.

Древнейшей истории Южного Урала и времени первоначального заселения Башкирии человеком был посвящен доклад О. Н. Бадера (Москва) «Палеолит Башкирии».

Помимо пленарных заседаний на сессии работало три секции: археологии и антропологии, этнографии, языка и фольклористики.

На секции археологии и антропологии было заслушано 18 докладов и сообщений.

А. П. Смирнов (Москва) в докладе «Из этнической истории западного Приаралья в I тысячелетии н. э.» отметил волюнтаризм ряда археологических работ в оценке исторических источников, что проявилось, в частности, в интерпретации именниковско-романовских памятников как тюркских. По мнению докладчика, именниковская культура, генетически связанная с гордеевской, принадлежит древнемордовским племенам, которые переселились на левобережье Волги и ассимилировали местные племена, входившие в пьяноборскую этнокультурную общность. Именниковская культура включала и третий этнический элемент — славян. Они пришли на Среднюю Волгу из лесостепи, о чем свидетельствует Рождественский могильник (около VI в. н. э.). Именниковцы-романовцы не сыграли большой роли в этнической истории Башкирии и сравнительно быстро были поглощены тюркоязычными племенами.

О большой близости романовских и именниковских памятников говорилось в сообщении П. Н. Старостина (Казань).

Г. И. Матвеева (Уфа) в своем сообщении «Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э.» отметила, что до первой половины I тысячелетия н. э. лесная и лесостепная Башкирия в основном была населена финно-угорскими племенами. В конце V в. сюда проникают сарматско-аланские племена. К VII—IX вв. в центральной Башкирии складывается единая культура, для которой характерно сочетание местных и привнесенных южных особенностей. Приблизительно в середине VI в. на территорию Башкирии проникают еще две родственные группы. С их появлением, по мнению Г. И. Матвеевой, связаны памятники кара-якуповского и кушнаренковского типов. Этническую принадлежность кушнаренковских памятников она определяет как угорскую.

С. М. Васюткин (Уфа) выделяет в этнической истории населения средневековой Башкирии (III—XIII вв.) три этапа: первый (III—V вв.) связан с переселением в Башкирию небольшой группы западносибирского и зауральского угорского населения, которое вместе с местными финно-угорскими племенами (пьяноборцами и карабызцами) приняло участие в формировании раннебахмутинской культуры; на втором этапе (V—VIII вв.) в лесостепной и лесной Башкирии появляются турбаслинские, кушнаренковские и романовско-именниковские племена; третий этап (конец VIII — начало XIII в.) начинается с проникновения на Южный Урал собственно башкирских племен (в составе печенежского союза) и заканчивается монголо-татарским завоеванием.

В сообщении А. Х. Пшеничнюка (Уфа) анализировался этнический состав населения Башкирии в эпоху раннего железа. Докладчик считает, что в формировании культур I тысячелетия н. э. участвовали местные финно-угорские (пермские) и частично ираноязычные и угорские племена. Большинство памятников этого периода (кушнаренковский, кара-якуповский, позднебахмутинский, романовский) оставлены пришлыми племенами.

Основные направления хозяйства ранних башкир были охарактеризованы на основе археологических материалов в докладе М. Х. Садыковой (Уфа).

В докладах Т. Н. Троицкой (Новосибирск), В. А. Могильникова (Москва), И. Кожомбердиева (Фрунзе), В. Н. Ягодина (Нукус) рассматривались связи древнего населения Южного Урала с племенами Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Этнические и историко-культурные взаимосвязи древних башкир с булгарами были освещены в сообщениях Р. Х. Фахрутдинова (Казань), Е. А. Халиковой (Казань) и Е. П. Казакова (Казань).

Г. Н. Матюшин (Москва) в своем докладе «Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита» попытался реконструировать этническую карту края в эпоху мезолита и неолита. Дополнением к докладу Г. Н. Матюшина явилось сообщение Ю. Ф. Рыжова (Магнитогорск) «Позднеэнеолитическая стоянка Боборыкино VII».

История племен эпохи бронзы нашла отражение в докладе В. С. Стоколоса (Уфа) «Локальные варианты алакульской культуры в Южном Зауралье».

На секции этнографии было заслушано 13 докладов, освещающих различные аспекты происхождения и этнической истории башкирского народа. Во многих докладах сопоставлялись традиционные формы культуры и быта народов, которые исторически соприкасались в прошлом и ныне обитают на обширных пространствах Европы и Азии. На этой основе выявлялись генетические истоки родственных народов, их вторичные культурные контакты, а также процессы взаимопроникновения культур этих народов в те или иные периоды. Характерно стремление докладчиков определить относительную и (хотя бы приблизительно, в пределах широких рамок времени) абсолютную хронологию взаимосвязей народов и их предков и тем самым преодолеть основную трудность в этногенетических исследованиях.

В докладе Т. А. Жданко «О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир» был приведен обширный материал об этнических и культурных связях башкир с узбеками, казахами, туркменами, каракалпаками. Башкир роднят с каракалпаками не только истоки древнетюркской общности, но и то, что те и другие в течение длительного времени находились в составе огузо-печенежского союза. Роднит их и решающая роль кипчаков (на более позднем этапе) в формировании особенностей языка и культуры этих народов. Однако узловые моменты этногенеза двух этих близко родственных народов происходили в разных районах, в разной этнокультурной среде, чем и обусловлены различия в их современном этническом облике. Однако исторические судьбы башкир и каракалпаков постоянно скрещивались. Это нашло отражение в родо-племенной номенклатуре, этногенетических преданиях, обычаях, материальной культуре.

Докладчик полностью солидаризируется с тезисом Р. Г. Кузеева о тесных связях древних башкир с печенежско-огузским миром.

Вопросы, затронутые Т. А. Жданко, получили развитие в докладах Л. С. Толстовой «О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях», Х. Е. Есбергенова «О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпаков и башкир». Сопоставляя исторические жанры фольклора башкир и каракалпаков, Л. С. Толстова выявила в них ряд аналогий и исторических параллелей. Особенную близость обнаруживают башкирские кубаиры и каракалпакские толгау. Их объединяет как сюжетно-тематическая общность и образная система, так и схожие изобразительные средства и одинаковые размеры стиха.

Г. П. Васильева намечает хронологические рамки появления общих элементов культуры башкир и туркмен — народов территориально отдаленных, но связанных узами древнего родства. Манера украшать одежду серебряными монетами и бляшками берет, по ее мнению, начало со времени наибольшего распространения народов скифо-сарматского круга. Техника и орнамент вышивки косой сеткой (кушэлме, коджиме), которые встречаются у башкир, туркмен, якутов и ряда других народов, могли быть занесены племенами, входившими в гуннский союз, при передвижении гуннов с востока на запад. О том, что древние гунны знали эту технику вышивки, свидетельствуют находки в могильнике Ноин-Ула. В период экспансии Хорезма на север у башкир и туркмен появились многие одноименные родо-племенные группы и общие элементы в культуре. Больше всего общих черт у племен кипчакско-печенежского круга эпохи средневековья. Сюда относятся родо-племенные подразделения с этнонимом «туркмен» в составе башкир, женский головной убор типа саукеле, состязания «кокбори» и др.

Близость художественно-стилевых традиций в орнаментальном творчестве башкир, с одной стороны, с культурой казахов, киргизов и каракалпаков — с другой, была продемонстрирована в докладе искусствоведа Е. Г. Яковлевой (Москва) «Черты общности декоративно-прикладного искусства башкир и народов Средней Азии».

В. Н. Белицер (Москва) в своем докладе «Этнографические параллели в культуре башкир и мордвы» привела многочисленные примеры из хозяйственной деятельности, материальной культуры, быта и художественного творчества башкир и мордвы, которые, по ее мнению, указывают не только на взаимные контакты, но говорят о некоторых общих компонентах, принимавших участие в формировании этих народов. Большую близость к башкирам обнаруживает мордва-мокша, которая испытала значительное влияние степных кочевников.

Результаты сравнительного изучения декоративно-орнаментального искусства удмуртов и башкир были изложены в докладе Н. С. Королевой (Москва). Общие черты проявляются с наибольшей отчетливостью в традициях узорного ткачества и вышивки. Н. С. Королева объясняет это не только взаимовлияниями, но и общностью некоторых этнических компонентов.

В докладе «Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства» С. Н. Шитова (Уфа) выделяет в традиционных формах культуры башкир несколько пластов, различающихся по истокам и времени происхождения. Древнейший пласт (туникообразный покров одежды, конические и прямоугольные шалаши, отдельные виды цельнодолбленной и берестяной посуды и связанные с ними узоры резьбы и др.) берет начало в культуре племен Южной Сибири, которые сыграли ту или иную роль в своеобразии восточных тюрков, тунгусов, самодийских и угорских народов. Второй, «раннескотоводческий», включает комплекс элементов культуры, характерный для большинства тюркских и монгольских народов. Третий, «позднетюркский» или «кипчакский», сформировался в среде кочевников среднеазиатских и южнорусских степей в конце I — начале II тысячелетия н. э. Наиболее ярко он выражен в технике и орнаментации металлических частей конской сбруи, серебряных украшений, тамбурной вышивки. Четвертый пласт составляют элементы, распространенные на сравнительно узкой территории — в Средней Азии и Закавказье; это традиции выделки паласов и ковровые узоры в ткачестве, тюбетейки, женские шапочки «тупый», головные уборы типа покрывал, использование кораллов. И, наконец, пятый пласт образовался после расселения башкир в Приуралье (группа узоров, характерных для браного ткачества и счетной вышивки, лапти, фартуки, некоторые виды клепаной и плетеной посуды и т. д.). Выделенные пласты в той или иной мере обнаруживают связь с локальными группами башкир и указывают на этнические и культурные контакты отдельных племен с этническими образованиями древности и средневековья.

Р. З. Янгужин (Уфа) поднял вопрос о генезисе земледелия в Башкирии. На материалах археологии и документальных источников он делает вывод, что занятие земледелием у северо-западных башкир (бывшие Казанская и Осинская дороги) имеет древние корни и может быть объяснено «только участием местных оседло-земледельческих этнических групп в формировании башкирской народности».

О значении терминологии и системы родства как этногенетического источника сделал доклад Н. В. Бикбулатов (Уфа). Этому же вопросу было посвящено сообщение У. Д. Доспанова (Нукус).

«Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима башкорт)» — так называлось сообщение Ф. Ф. Илимбетова. Докладчиком собран обширный материал, который свидетельствует о широком бытовании у башкир в прошлом культа волка. Отсюда делается вывод, что народная этимология самоназвания башкир (баш — «головной», «главный» + корт — «волк») не лишена основания.

Р. Б. Ахмеров (Уфа), анализируя генезис башкирских родовых и семейных тамг, отмечает, что многие из них унаследованы от древнего населения Приуралья: андроновцев, племен срубной культуры, сармато-аланов, бахмутинцев и др. Некоторые тамги говорят о взаимосвязях башкир с финно-угорскими народами края и населением Средней Азии и Казахстана.

На секции языкознания и фольклористики было заслушано 14 докладов и сообщений.

Т. М. Гарипов (Уфа) в своем докладе «Место башкирского языка в структурно-типологической классификации языков» отнес башкирский язык к урало-волжской ветви кипчакской группы языков. По его мнению, самостоятельное развитие этого языка началось приблизительно пять веков назад. В то же время основные черты племенных наречий башкир сформировались в тесной связи со становлением тюркского этноса задолго до II тысячелетия до н. э.

Вопросу о тюркоязычных народах, обитавших в Поволжье и Приуралье до нашей эры, и его роли в раннем этногенезе башкир был посвящен доклад К. И. Петрова (Фрунзе) «О генетической общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков». Докладчик пришел к выводу о близком генетическом родстве урало-алтайских, индо-европейских, иберийско-кавказских, семито-хамитских языков. На определенном этапе развития единая языковая общность, существовавшая в Передней Азии, разделилась на более развитые языковые системы. Одну из них составила индоевропейско-уральско-алтайская общность. Европеонидные носители урало-алтайских языков, выделившись из нее, двинулись через Прикаспий и Среднюю Азию в Поволжье, Приуралье и Сибирь, ассимилировали часть монголоидных племен и явились этническим субстратом формирования ряда народностей, в том числе башкир, чувашей и др. Время бытования «древнетюркских» языков, по мнению докладчика, следует относить не к нашей эре, а к значительно более раннему периоду. Известные передвижения в I—III тысячелетиях н. э. тюркоязычных и монголоидных племен с востока на запад завершили эдешние этногенетические процессы.

В ряде докладов рассматривались языковые взаимосвязи башкир с другими народами. В сообщении «О каракалпакско-башкирских языковых отношениях» Д. С. Насыров (Нукус) объясняет общие черты в фонетическом и грамматическом строе башкирского и каракалпакского языков общей кипчакской основой. Приведенные Д. С. Насыровым фонетико-грамматические и лексические явления из южного и северного диалектов каракалпакского языка находят свои аналогии в одних случаях в южном диалекте башкирского языка, в других — в восточном и тем самым обнаруживают связь с историей отдельных родо-племенных образований.

З. Г. Ураксин и Э. Ф. Ишбердин (Уфа) в сообщении «Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским» отмечают довольно большое количество общих корневых слов в составе этих языков. Значительная их часть употребляется в большинстве современных тюркских языков и, очевидно, составляет древний пласт, свидетельствующий о генетическом родстве тюркских и монгольских языков. Другая часть относится к более позднему времени и расчленяется на несколько групп. Одна из групп включает слова, характерные для башкирского, монгольского, казахского и киргизского языков, вторая — для башкирского, монгольского и тюркских языков восточной ветви, третья — только для башкирского и монгольского языков.

С. Ф. Миржанова (Уфа) выступила с сообщением «Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка». Анализ башкиро-финно-угорских параллелей и выявление общих языковых моментов доказывает существование длительных исторических контактов башкир с финно-уграми, которые происходили, видимо, на всей территории Башкирии. Если лексические параллели в говорах северных и северо-восточных башкир с финно-угорскими языками можно объяснить взаимодействием этих языков в сравнительно позднее время, то истоки происхождения аналогичных явлений в южных говорах надо искать в ранних этапах этногенеза башкир.

Анализ топонимов Башкирии был дан в докладе А. А. Камалова (Уфа) «Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир». Большинство гидронимов края — тюркского (прежде всего башкирского) происхождения. Однако в основе значительной части названий этой группы лежат слова, которых уже нет в современном башкирском языке. Вместе с тем эти слова имеют параллели в древнетюркских письменных памятниках, в восточнотюркских, огузских и монгольских языках. Это говорит о сохранении в гидронимах элементов древней тюркской лексики. Другая группа гидронимов свидетельствует о языковых и территориальных контактах башкир с финно-угорскими (финно-пермскими, угорскими) и ираноязычными народами.

Сопоставление географии отдельных гидронимов и зоны бытования слов, которые легли в их основу, показывает, что в пределах современной территории расселения башкирского народа передвижения тюркских племен совершались с запада на восток и с юга на север.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары) говорил об участии отдельных башкирских родов в этногенезе соседних народов и в частности чувашей.

Отражение процесса сложения башкирской народности в сказочных сюжетах и эпических поэмах было раскрыто в докладах М. Х. Мингажетдинова (Уфа), М. М. Сагитова (Уфа). К. М. Максегов (Нукус) проследил взаимосвязи каракалпакского и башкирского героического эпоса.

Сообщение о генетических связях башкирской народной музыки было сделано Л. П. Атановой (Уфа). В музыкальном фольклоре башкир докладчик выделяет несколько песенных пластов, свидетельствующих о древних этнических связях народа. Известны, например, мелодии, несущие на себе отпечаток музыки древних кумано-половецких племен. Некоторые башкирские орнаментированные протяжные песни обнаруживают сходство со старинными венгерскими и монгольскими мелодиями.

Большой интерес вызвали источниковедческие доклады А. Б. Булатова (Казань) «Восточные средневековые авторы о башкирах» и А. Г. Кудашева (Уфа) «Башкирские и татарские дореволюционные деятели культуры о древних башкирах».

Позднейшие этапы культурно-языкового развития башкир в дореволюционную эпоху были освещены в докладе Б. Х. Юлдашбаева (Уфа) «От племен к народности и нации».

* * *

В последний день работы сессии на пленарном заседании после заключительных выступлений руководителей секций состоялась дискуссия по докладам. Наиболее оживленные споры вызвали вопросы о ранних тюрках в Поволжье и Приуралье и проблема интерпретации этнической принадлежности некоторых археологических памятников I тысячелетия н. э.

Не по всем проблемам было достигнуто согласие. Однако, как отмечал в своем заключительном слове Ю. В. Бромлей, сессия явилась крупным событием в научной жизни Башкирской АССР, соседних республик и областей. Она помогла в значительной степени преодолеть крайности в толковании этногенетических процессов, связанные с преувеличенными представлениями о роли автохтонных племен или, наоборот, миграций. В научный обиход был введен обширный материал, который позволяет углубить изучение многих сторон этнической истории башкир и других народов, исторически соприкасавшихся с ними. Рекомендации сессии содержат развернутую программу научных исследований по археологии, этнографии, антропологии, исторической лингвистике, фольклористике.

Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Илимбетов